

Поздней осенью, под вечер у карагинской гостиницы появилась довольно странная процессия. Впереди шёл поджарый субъект в кирзовых сапогах без каблуков. Измождённое лицо его скрывали лохмы густых волос. Выделялись только глаза, хищно и жадно блестящие. За спиной его изодранной телогрейки бултыхался футляр с теодолитом, который многие почему-то принимали за переносной самогонный аппарат. Следом шагал понурый парень в меховой куртке и спортивной шапочке. На плече у него вместо ружья висела тренога. И чуть дальше с мешочками под глазами семенила подсохшая женщина неопределённого возраста. К её широким плечам были аккуратно приторочены три спальных мешка. Подойдя к деревянной лестнице, ведущей на второй этаж в гостиницу, она устало оперлась грудью на свой шнек, словно на ледоруб, перед восхождением.

Когда Иван с Олегом, преодолевая слабость в коленях, в полном изнеможении взобрались по обледенелым ступеням до своего номера, то первое, что бросилось им в глаза, – это стол посреди комнаты. На нём лежала пустая бутылка, а рядом стояла нераспечатанная бутылка водки, окружённая немудрёной закусью. А за столом в синей ветровке и джинсах сидел бородатый мужик интеллигентного вида с гранёным стаканом в руке. Он так и не донёс его до открытого рта, увидев на пороге две колоритные фигуры. Они ассоциировались в его мозгу с блокадниками из родного Питера. Наконец торопливо опрокинув стакан в раскрытый рот и обтерев рукавом бороду, он поднялся из-за стола и широким жестом пригласил за него

мумифицированных гостей. На изящном пальце его правой руки блеснул дорогой перстень с медным всадником.

– Давайте знакомиться, бродяги. Меня зовут Василий Сурков, художник из Питера. Не слышали о таком? А в Красноярске, на площади Восстания, мужика в кепке видели? Моя работа, товарищи. Скульптурная работа, в стиле соцреализма. А вы, значит, геологи-работяги, копатели-ходоки. А что так отощали? Мало платят? Нет, а мы всё-таки от дорогого Ильича по куску отломили. Выпейте с дорожки.

Он плеснул им из бутылки в пустые стаканы и, подвинув банку с «Завтраком туриста», добавил: «Закусите, чем бог послал».

Проследив за судорожными движениями рук доходяг, он одобрительно крикнул и налил себе ещё соточку, но пить не стал.

– Да, ребята, моя работа, в русле и стиле соцреализма. Хотя этот стиль всё же не для меня. Хочу поставить на нём точку, – раскосые глаза его повлажнели. – Давно вынашиваю крупный замысел написать картину. Мечтаю на чистое полотно перенести пятиэтажную хрущёвку и разрубить её по фасаду вот так, – он поднял левую руку и рубанул ею по столу.

От неожиданности опьяневшие ходоки чуть не слетели со стульев.

– Покажу настоящую, реальную жизнь в срезе дома. Никакого модерна. Вы только взгляните: на первом этаже сидит мужик на унитазе в позе мыслителя. О чём он думает? Теперь поднимаемся выше и что мы видим? Пьяный муж таскает свою бабу за волосы, а на третьем...

В это время в комнату заглянула обрюзгшая рыжая Нора. – Ваша дама? – спросил Олега Сурков. – Приглашай.

Дама не заставила себя долго ждать и, подойдя к столу, сразу же навернула предложенный ей стакан водки.

– Да, бродяги! Эта картина долго вызревала в моей голове, – он постучал себя перстнем по лбу. – Зрели композиция и колорит, пока я шарил по заброшенным, сгнившим сараям, отыскивая для Шушенского мемориала деревянные грабли, которыми в ссылке Ильич грёб сено. Зрела палитра полотна, пока я лазил по пыльным чердакам в поисках спиц, которыми Наденька вязала мужу шерстяные носочки.

Выпив, Сурков задумался. Его набрякшие веки прикрыли глаза. Внезапно он качнулся маятником вправо-влево, приподнял свои веки, и его остекленевший взгляд упёрся в одутловатую физиономию раскрасневшейся Норы.

– О, как вы поразительно похожи на Наденьку. Завтра же пишу ваш портрет со спицами.

С этими словами голова его бессильно опустилась на стол, прямо на помидоры. Левой рукой, елозя по скатерти, он перевернул пепельницу и консервы с кильками. Помычав, Василий приподнял голову с густой шевелюрой и, не открывая глаз, стал судорожно водить бородой, словно кистью, по поверхности стола, размазывая масло от кильки и помидор. Вероятно, неосознанно им овладел миг вдохновения для достойного завершения своего давнишнего замысла. Выше пятого этажа он уже не поднялся, успокоился и заснул.

На следующее утро Олег Николаевич, приподняв с подушки тяжёлую голову, увидел Суркова, стоящего за раздвинутым мольбертом у окна. Отрывистыми нервными движениями руки он грифелем наносил на ватман штрихи. На белом фоне чистого листа возникали серые крыши деревянных домов, разбросанных перед гостиницей. На коньке одной из крыш чёрной кляксой виднелась ворона. Эта пейзажная ворона в унылом однообразии серых крыш, вероятно, и была той самой точкой соцреализма.